

Усадебный бум: викторианская эпоха как золотой век загородного строительства

Аннотация: Статья посвящена проблемам усадебного строительства в эпоху царствования королевы Виктории. Статистика позволяет увязать небывалый взлет усадебного строительства с целым рядом социологических и демографических изменений, происходящих в эту эпоху. Мотивы, по которым велось усадебное строительство, и этические приоритеты, определявшие характер усадебной архитектуры, рассматривает данная статья.

Ключевые слова: строительный бум, викторианская эпоха, загородное строительство, усадебная архитектура

УДК 728.83; 728.84

Abstract: The article concerns the problems of the country house building in Queen Victoria time. Statistics helps to link the unprecedented country house building boom with some sociological and demographical changes that characterize the epoch. The motives of the country house building and ethic priorities that influenced its character are this article's item.

Key words: building boom, Victorian epoch, country building, country house architecture

Эпоха королевы Виктории по праву считается одной из наиболее ярких страниц в истории усадебного строительства на Британских островах. Действительно, количество новых загородных домов, строящихся за год, увеличилось, если сравнивать данные 1801 и 1861 гг., вдвое, а если сопоставить цифры начала XIX века с аналогичными показателями начала XX века – в четыре раза. Эту динамику отражают и цифры, показывающие количество англичан, занятых в строительной сфере. Если к началу 1830-х годов их число составляло чуть более двухсот тысяч, то к 1901 году оно уже превышало миллион человек¹. Подобные темпы роста заставили Краули говорить о явлении как о «революции домостроительства» (housing revolution)².

В чем же причины такого стремительного взлета усадебной архитектуры? Их несколько.

* *Соколова Мария Васильевна* – кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры всеобщей истории искусства МГУ имени М.В.Ломоносова (e-mail: mar641079992007@yandex.ru)

¹ Long, H.C. *Victorian Houses and Their Details: The Role of Publications in Their Building and Decoration*. Oxford: Architectural Press, 2002, p.3.

² Crowley D. *Introduction to Victorian Style*. Royston: Eagle, 1998, p.109.

Одна из важных причин – стремительный рост населения Великобритании. Приведенные нами выше цифры, показывающие рост усадебного строительства за столетия оказываются четко соответствующими демографическим показателям. Так за период с 1801 по 1851 год население страны увеличилось вдвое, а к 1911 году вчетверо³.

Однако в качестве основной и наиболее очевидной причины стремительного взлета усадебной архитектуры следует назвать отмеченный нами выше мощнейший экономический рост Британской империи. Исследователями неоднократно проводился анализ социального состава заказчиков, из которого становится видно, сколь значительный процент новых загородных резиденций выстроен для представителей банковского и промышленного капитала. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что картина не столь проста и очевидна, как представляется вначале.

«Новый» заказчик играет, безусловно, очень важную роль, но он отнюдь не вытесняет «старого», аристократического заказчика, занимая не его место, а место рядом. Более того, во многих случаях достаточно затруднительно провести разделение землевладельцев на две указанные категории. Дело в том, что идет процесс постепенного размывания границы между этими двумя социальными слоями. Источниками благосостояния аристократии все чаще и чаще становится не столько крупная земельная собственность, как это было раньше, сколько капитал, вложенный в то или иное удачное коммерческое предприятие. Наиболее яркий пример, на наш взгляд, – маркиз Бьют, хозяин Кардифф Кастл, одной из наиболее роскошных загородных построек викторианской эпохи, сделавший свое баснословное состояние, благодаря угольным месторождениям, найденным на его земле, и построивший в Кардиффе доки, превратившие этот захудалый провинциальный городишко с численностью населения от силы 1000 человек в крупнейший торговый порт Британии. В это же время все большее число банкиров и промышленников стремятся стать земельными собственниками и справедливо видят в такого рода собственности прочную основу для укрепления своего общественного положения.

Процесс сближения двух общественных слоев носит взаимный характер: новые хозяева активно стремятся вписаться в новую для них социальную среду, что неизбежно требует усвоения определенных жизненных стандартов и поведенческих норм. В то же время и аристократия также не может не стремиться к тому, чтобы удерживаться на высоте занятого некогда общественного положения, что требует сейчас определенной коррекции своих взглядов, привычек, представлений. Таким образом, феномен викторианского образа жизни рождается из столкновения двух мировоззренческих систем, включающих в себя в том числе и представления о том, каким должен быть идеал джентльмена-землевладельца. Этот идеал многогранен. Некоторые его грани сформировались еще в прошлом, XVIII столетии, а некоторые формируются именно в рассматриваемую эпоху.

³ Long, H.C. Op.cit., p.2.

Прежде всего, отметим, что безусловным качеством любого лэндлорда является его принадлежность к уже упомянутому нами *polite society*. Это понятие появляется, как мы помним, еще в первой половине XVIII столетия и немаловажную роль в его кристаллизации играет знаменитый курортный город Бат⁴. Именно в Бате формируется новая, уникальная социальная среда, свой специфический кодекс поведения, за неуклонным соблюдением которого строго наблюдал *master of ceremonies* (церемониймейстер). Нарушившие установленные правила тут же призывались к порядку вне зависимости от того, какое социальное положение они занимали⁵. Надо сказать, что атмосфера этого курорта была совершенно уникальна, а существовавшие здесь нормы общественного поведения намного опережали свое время. Люди, свободно общавшиеся в Бате, по возвращении в Лондон зачастую и не думали продолжать знакомство в силу принадлежности к совершенно разным социальным слоям. В то время как на курорте достаточно было обладать неким скромным состоянием и, главное, не нарушать установленных поведенческих норм, чтобы быть принятым, во многих аристократических домах еще держался высмеянный Хогартом в серии «Модный брак» средневековый обычай, согласно которому глава аристократической семьи трапезничал под балдахином (*eat under a canopy*)⁶.

Если для художника XVIII столетия подобные обычаи являли собой забавный образ сословного чванства, то для человека викторианской эпохи подобное чванство становилось совершенно непростительным грехом. Смену общественных настроений этого времени в целом можно охарактеризовать как рост демократических тенденций, однако это общеизвестное положение требует, опять-таки, целого ряда уточнений. Упрощением было бы представлять себе, что новый класс активно стремится занять ключевые посты во власти. Напротив, современниками неоднократно высказывается мысль о том, что политика была и остается сферой деятельности высшего класса. В 1860 году Ипполит Тэн запишет слова, сказанные ему одним крупным промышленником: «Наша цель состоит не в том, чтобы сбросить аристократию; мы готовы оставить управление и высшие посты в их руках... Пусть управляют, но пусть будут при этом способны управлять»⁷.

Таким образом, за джентльменом оставалась первенствующая роль. Однако общество зорко наблюдало за тем, насколько достойно он ее исполняет. Тема этического долга и ответственности проходит красной нитью во всех рассуждениях современников о роли и функции землевладельца, составляя вообще, пожалуй, главную черту викторианской морали и менталитета. Понятие

⁴ Город Бат в графстве Сомерсет известен как курорт с термальными источниками со времен королевы Елизаветы. Особенную популярность получает в XVIII столетии, когда входят в моду ежегодные поездки сюда на лечение. Город становится крупнейшим центром светской жизни.

⁵ Так известен случай, когда вечером в Ассамблее с герцогини Квинсберри прилюдно был сорван фартук (принадлежность утреннего туалета).

⁶ Совершенно очевидная аллюзия на этот старомодный обычай просматривается в первой картине серии У. Хогарта «Модный брак» (1743-1745), где за спиной старого графа Сквондерфилла вырисовывается балдахин.

⁷ Taine H. Notes on England. L., 1957, p.155.

«викторианское ханжество» вошло в поговорку, однако следует заметить, что ханжество имеет место лишь там, где играют существенную роль ценности, которые ханжество стремится имитировать.

Викторианская эпоха отмечена своеобразным религиозным возрождением. Этот процесс коснулся обоих направлений англиканства: как Высокой, так и Низкой Церкви (High and Low Church). Помимо этого, британские историки отмечают такое явление как Викторианское Католическое возрождение (Victorian Catholic Revival): нередкие обращения в католицизм, которыми ознаменована середина столетия. Эти тенденции в духовной жизни общества оказывают определенное влияние на развитие британской архитектуры в целом и усадебной, в частности. Влияние это носит двоякий характер, с одной стороны, усиливая интерес к средневековому наследию, с другой, выдвигая на первый план новые нравственные приоритеты. Важно отметить, что серьезное, пристальное внимание к архитектурному наследию национального средневековья появляется изначально именно в рамках течений, возникающих внутри Высокой Англиканской Церкви. Центрами этих течений становятся два старейших университетских города Англии: Оксфорд и Кембридж.

Оксфордское (или, другое название, трактарианское) движение связано, прежде всего, с именем священника, а впоследствии католического кардинала, Дж.Г. Ньюмена, автора целого ряда трактатов (tracts), которые изначально писались в защиту Англиканской Церкви от посягательств Парламента, озабоченного быстро растущим благосостоянием церковной иерархии и пытавшегося в связи с этим ввести ряд законодательных ограничений. Однако, начавшись как борьба церковников за свои, в первую очередь, имущественные права, движение со временем меняет свой характер. Защищая Церковь, Ньюмен, в первую очередь выступает за оживление приходской жизни и преодоление религиозной индифферентности в обществе. В этом отношении трактарианцы оказываются на начальном этапе своей деятельности чрезвычайно близки по своим настроениям к движениям, получающим распространение среди представителей различных направлений Низкой Церкви (Low Church).

Однако, желая привлечь индифферентную паству в Церковь, трактарианцы начинают активно воскрешать обрядовую сторону ее жизни, призывая вернуться к практикам, утраченным протестантизмом. На этой почве, собственно, и усиливается интерес ко всякого рода церковным древностям, увлечение которыми и порождает такой феномен культурной жизни Британии викторианского времени как готическое возрождение (Gothic Revival)⁸.

Самого Ньюмена подобные увлечения в конце концов приводят к намерению перейти в Католическую Церковь. После того как оно было осуществлено, в трактарианском движении начался раскол: часть адептов и учеников Ньюмена последовали его примеру, а часть обвинили его

⁸ Термин «готическое возрождение» (Gothic Revival) употребляется в британской научной литературе для обозначения широкого распространившегося интереса к средневековому, в первую очередь, национальному прошлому в британской архитектуре, а также культуре в целом.

в предательстве и сохранило верность религии отцов. Однако несмотря на непримиримые вероучительные противоречия, и трактарианцы-англикане, и католики (как новообращенные, так и выросшие в семьях, веками сохранявших эту веру) предпочитают строить в достаточно сходной манере, отличающейся несколько нарочитым избытием «средневековых» элементов и своеобразным «церковным» характером даже светских помещений. Критической реакцией на подобного рода подход станет книга Пьюджина «Истинные принципы христианской архитектуры» (1841)⁹.

Если возникшее в Оксфорде движение ставило себе в первую очередь задачи реформирования церковной жизни, и вопросы архитектуры занимали его участников постольку, поскольку имели к ней отношение, то в другом университетском городе, в Кэмбридже, возникает в эти же годы Общество, ставящее своей основной задачей именно изучение церковных памятников Британии. Cambridge Camden Society появляется в 1839 году как кружок преподавателей и студентов Тринити-колледж (Trinity College), его усилиями издается и своеобразный бюллетень Общества «The Ecclesialogist». Он пользуется популярностью, опубликованные здесь материалы, безусловно, оказывают влияние и на архитекторов-профессионалов и на тех, кому вообще не чужд интерес к изящному. Несмотря на то, что Общество стремилось своими трудами повлиять главным образом на современную церковную архитектуру, влияние его было шире: безусловно, из этих публикаций черпали вдохновение и те, кто занимался светским, в том числе и усадебным строительством. Судьба Общества любопытна: интерес к церковной старине навлек на его организаторов подозрения в папистских симпатиях, в итоге кружок распался, но в 1846 г. был возрожден под другим названием «Экклезиологическое общество», превратившееся со временем в серьезную научную организацию, существующую и по сей день.

Уоткин пишет о том, что Лондон, Оксфорд и Кэмбридж сформировали своеобразный «интеллектуальный и религиозный треугольник на юге Англии», ставший генератором нового «готического» вкуса, в то время как на остальной территории страны еще долго удержится классическая традиция¹⁰.

Не менее важным, нежели воскрешение интереса к национальной старине, оказывается другой аспект религиозного возрождения в викторианской Англии: смена нравственных приоритетов. Религиозные мотивы теперь зачастую серьезным образом определяют поведение и образ жизни владельца усадьбы, отражаясь и на ее архитектурном облике. Идеал лэндлорда, ждущийся на новых нравственных ценностях, выдвинутых эпохой, описан во множестве литературных произведений эпохи. Вот, например, сэр Уолтер Вивиан в «Принцессе» Теннисона (1847):

No little lily-handed Baronet he,
A great broad-shoulded genial Englishman,
A lord of fat prize-oxen and of sheep,

⁹ A.W. Pugin. True Principles of Pointed or Christian Architecture. L., 1841.

¹⁰ Watkin D. The Rise of Architectural Theory. L.: Architectural Press, 1980, p.153.

A raiser of huge melons and of pine
 A patron of some thirty charities...
 A quarter-sessions chairman, abler none;
 Fair-hair'd and redder than a windy morn¹¹.

То есть рачительный хозяин, равнодушный к судьбе ближних христиан, добросовестный и политически активный гражданин и, кроме всего прочего, здоровяк и силач. Этому образу стремится соответствовать в первую очередь родовая аристократия, которой важно устоять под шквалом направленной в ее адрес критики, а затем и средний класс, которому удобно противопоставлять свои привычные ценности нравственно сомнительным качествам высшего сословия. А вот герой романа Шарлотты Янг «Остановка сердца» (1855): «Я буду счастлив трудиться беззаветно, как рыцари прошлого, - говорит он своей возлюбленной, - знайте лишь, что если Вы когда-либо услышите обо мне уже не как о праздном дилетанте, а как о человеке, истощающем свои силы во благо чего-либо полезного, я делаю это ради Вас»¹². Картины и статуи, привезенные из Италии, он распродает и на вырученные деньги строит в своем поместье церковь и школу.

Отмеченные нами тенденции не могли не сказаться на архитектурной практике эпохи. Причем «старый» заказчик, аристократ, озабочен тем, чтобы его общественная роль была отражена в архитектурном облике дома, не меньше, а даже, пожалуй, и больше, нежели его сосед-натурщик. Об этом замечательно пишет Р.Ф. Джордан: «Берри и ему подобные любили лордов и строили для лордов. Но холодное, рационалистическое умонастроение восемнадцатого столетия, сосредоточенное на вопросах вкуса и безразличное к тому, что думают другие, не могло дальше существовать. Берри языком архитектуры должен был сделать за своих заказчиков последний величественный жест... эти загородные дома, предназначенные для больших приемов, призваны были выразить общественную значимость, и это последнее самоутверждение вымирающей аристократии неизбежно отличалось вульгарностью. Аристократия не могла уже более приниматься как данность, ей приходилось привлекать к себе внимание»¹³.

Новые общественные тенденции неизбежно диктовали заказчику (и, соответственно, архитектору) определенные семантические формы художественного языка. Такие характерные черты

¹¹ Alfred Tennyson. The Princess. 1847.

Не шустрый белоручка-баронет,
 Он истинный рослый широкоплечий англичанин.
 Хозяин тучных призовых волов и овец,
 Растящий громадные дыни и ананасы,
 Участник по крайней мере трех десятков благотворительных обществ,
 Лучший из возможных председатель ежеквартальных сессий.
 Светловолосый и раскрасневшийся на утреннем ветру (*перевод автора*)

¹² Цит. по кн.: Girouard M. The Victorian Country House. New Haven and L., 1985, p.15.

¹³ Jordan R.F. Victorian Architecture. Harmondsworth: Pelican Books, 1966, p. 224-225.

английского усадебного дома этой эпохи как, например, Большой холл (Great hall) или башня отнюдь не были всего лишь необходимыми составляющими определенной стилистической моды, они являлись важнейшими знаковыми элементами его композиционного строя.

В целом образный строй викторианского дома отражает сменившееся по сравнению с эпохой-предшественницей соотношение понятие «частное – общественное». Privacy и publicity – важнейшие понятия английского менталитета и культуры Нового времени, однако именно в викторианскую эпоху эта антиномия становится особенно значимой и заостренной, как в зеркале эта тенденция отражена в усадебной жизни и усадебной архитектуре рассматриваемого периода.

Прежде всего, отметим, что сам образ жизни в загородном доме претерпевает значительные изменения, он становится более замкнутым. Возникший еще в восемнадцатом столетии и прочно сохранявшийся на протяжении первой трети девятнадцатого века обычай, согласно которому любой принадлежащий к polite society человек мог приехать в усадьбу и попросить разрешения осмотреть ее вне зависимости от того, знаком ли он лично с хозяином, постепенно сходит на нет. Количество «открытых» домов уменьшается. Знаменитый афоризм «Мой дом – моя крепость» отражает усилившееся стремление скрыть свою частную жизнь от посторонних глаз.

Подобного рода изменения имеют достаточно очевидные причины. XVIII столетие в английской культуре было отмечено таким своеобразным, специфическим явлением, как джентльмен-дилетант. Следует заметить, что понятие «дилетант» в языке той эпохи совершенно лишено негативного, пренебрежительного смыслового оттенка, который вкладывается в это слово сегодня. Напротив, оно звучит как похвала. Достаточно вспомнить, например, отрывок из «Путешествия Хамфри Клинкера» Смоллетта, где автор, посещая некое поместье, знакомится с хозяином, который будучи истинным дилетантом, провел несколько лет в Италии, совершенствуясь в игре на скрипке. Для современников Смоллетта понятие «дилетант» не утратило еще связи с итальянским словом «diletto» (удовольствие, наслаждение), от которого оно происходит. Потратить значительную часть своего времени и сил на то, чтобы предаться возвышенному и интеллектуальному удовольствию, удовлетворению своих частных интересов и развитию своих индивидуальных способностей, для англичанина XVIII века доблесть. Такой человек встречает безусловное одобрение со стороны окружающих, а потому готов радостно делиться своими достижениями (improvement – достижение, улучшение - любимое слово этой эпохи!) с окружающими.

Совершенно иначе оценивает ситуацию викторианец. Понятие «наслаждение» оказывается не в чести, а человек, предающийся ему, под подозрением в эгоизме и невыполнении своего долга перед ближним. Менталитету викторианской эпохи скорее сродни было бы бытовавшее ранее, в XVII столетии, еще одно слово итальянского происхождения «virtuoso», также обозначавшее джентльмена, не чуждого интеллектуальных занятий, однако указывающее на то, что эти занятия являются для него одним из способов упражнения в добродетели (virtu). Для такого менталитета

характерно четкое разграничение сферы частного и общественного. Хозяин поместья занимается всевозможными улучшениями, но он призван делать это не забавы ради, а во имя исполнения своих обязанностей. Эти улучшения, касающиеся жизни окрестного населения (появление в соседних деревнях школ, больниц и т.д.), у всех на виду, они-то и свидетельствуют в глазах общественности о благонамеренности хозяина, в то время как свою частную жизнь он намерен тщательно охранять от посторонних взглядов.

Изменяется и характер гостевых визитов в поместья. Развитие железнодорожных коммуникаций привело к тому, что англичане могли позволить себе гораздо чаще ездить в гости: сделать это теперь было проще и быстрее. Однако именно поэтому и визиты сделались более кратковременными: приехать, уехать, вернуться в поместье теперь не составляет особенного труда. Это, кстати сказать, оказывает влияние и на архитектурную типологию загородного дома. Зачастую для землевладельца XVIII столетия составляло значительную проблему посещение своего поместья, поскольку туда лежал долгий путь, а неотложные дела в столице не позволяли отлучаться надолго. Именно с этой проблемой и связано возникновение феномена английской палладианской виллы: земельные участки на Темзе в предместьях Лондона превращаются в скорости в фешенебельный аристократический район, где строят себе небольшие, но элегантные дома лорд Берлингтон, лорд Пемброк и многие другие. Подобного рода постройки не были, как правило, центрами крупных земельных владений. Функция их сводилась к тому, чтобы служить местом отдыха и всякого рода утонченных интеллектуальных наслаждений их владельцев.

С развитием системы коммуникаций вилла как архитектурный тип постепенно исчезает. Своеобразным видоизменением его являются постройки Р.Тэйлора, тоже иногда называемые в литературе виллами, однако ориентированные на совершенно иного заказчика – бизнесмена, представителя среднего класса. Наконец, еще одна разновидность небольшого загородного дома, коттедж, получает в начале девятнадцатого столетия достаточно широкое распространение как подходящий вариант для владельца со скромным доходом.

Заметим, что в викторианскую эпоху коттедж как архитектурный тип продолжает существовать, однако постепенно все большую популярность приобретает другая модель поведения, когда англичанин со средним доходом стремится не приобрести скромное жилье, а снять более вместительный и комфортабельный дом. Мьютезиус подсчитал, что в середине столетия около 90 процентов загородного жилья находилось в аренде¹⁴. Причин такого явления несколько. В первую очередь, как неоднократно отмечалось, именно в это время в Англии резко снижается детская смертность и, как результат, увеличиваются семьи. Большая семья нуждается в дополнительных помещениях, как для домочадцев, так и для обслуживающего персонала (служебное крыло разрастается и занимает подчас до 70 процентов

¹⁴ Muthesius S. The English Terraced House. New Haven & L., 1982, p.17.

площади дома). Участвовавшие гостевые визиты также требуют дополнительных площадей, новые санитарно-гигиенические правила и строгие правила приличия требуют, чтобы размещение и домочадцев, и гостей, и слуг было свободным и комфортабельным. Как результат возникает колоссальный по масштабу загородный дом, содержать который не под силу человеку со средним доходом.

Состоятельные, успешные предприниматели, напротив, охотно вкладывают свои капиталы в земельную собственность. Прекрасно понимая, что подобное капиталовложение будет чрезвычайно сложно вернуть, продав дом, они вполне могут рассчитывать в случае необходимости на арендаторов, но главное, они осознают, как замечает в своем дневнике леди Шарлотта Гест, «все, что ведет к спокойствию и счастью детей, а также к уважению со стороны соседей» важнее денег¹⁵. Дом становится не только демонстрацией кредитоспособности владельца, но и своеобразной декларацией о намерениях, демонстрацией того, каковы его принципы и отношение к окружающим. И в этом смысле архитектурному облику дома принадлежит немаловажная роль.

Обращаясь к дневникам и эпистолярному наследию эпохи, обнаруживаешь, что она также была временем многочисленных переделок и перестроек, производимых лэндлордами в своих поместьях. Действительно, далеко не все дома строились на пустом месте, по большей части до неузнаваемости видоизменялся облик уже существующего дома. Замечательным примером может служить история развития такого поместья, как Шэдвелл-парк в Норфолке. Старый усадебный дом, достаточно скромный и по размерам, и по своему фасадному декору был выстроен здесь еще в восемнадцатом столетии. Впервые он был расширен в начале правления королевы Виктории (1840-1843), именно тогда его фасады приобрели модный облик в духе «национального стиля». Однако коренным образом усадьба перестраивается в 1856-1860-х годах, по сравнению с первоначальной постройкой объем здания увеличивается более, чем вдвое, а многочисленные башни и стрельчатые окна окончательно делают композицию похожей на средневековый замок.

Этот пример – один из наиболее ярких в длинном ряду подобных явлений. Строительство загородного дома для викторианского землевладельца превращалось подчас в дело целой его жизни, заставлявшее хозяина влезать в долги и налагать на себя ряд жестких самоограничений, поскольку масштаб строительства явно превращал материальные возможности данного семейства. Примечательна история поместья Хэрлестон Мэнор в Линкольншире. Его хозяин, мистер Г. Грегори, джентльмен с весьма скромным доходом, начал строительство еще в молодые годы, а закончил отделку дома практически перед своей смертью. В итоге он так и не обзавелся семьей и вел на протяжении долгих лет чрезвычайно замкнутый образ жизни, никого не принимая и не участвуя в общественных увеселениях. Близкий по масштабам к дворцовым постройкам дом достался дальним родственникам покойного,

¹⁵ Lady Charlotte Guest: Extracts from her journal, 1833-52, ed. Earl of Bessborough. L., 1950, p. 225.

которым, к счастью, не пришлось при этом нести на себе тяжкое бремя долговых обязательств, нередко приводившее фактически к обеднению, а то и разорению семейства в последующих поколениях.

Впрочем, описанную ситуацию сложно назвать типичной, поскольку как правило викторианский дом мыслился прежде всего, как семейное гнездо. Культ дома, частной жизни, семейного очага характерен для эпохи. Неслучайно викторианцы нередко выводят над камином надпись: «Home, sweet home», “East or west home is the best” или строки из известной песни “Home is the nicest place to be”. Идея частного существования, тщательно оберегаемого от посторонних глаз, выраженная в общеизвестном британском афоризме: «Мой дом – моя крепость», находится в своеобразном антиномическом единстве с идеей общественного служения, о которой мы писали выше. Ведь именно безупречно выполненный долг дает право на счастье и покой в семейном кругу. В совокупности же именно эти две идеи и составляют своеобразный нравственный идеал викторианского времени.

Библиография (Bibliography):

Crowley D. Introduction to Victorian Style. Royston, 1998.

Girouard M. The Victorian Country House. L., 1985.

Jordan R.F. Victorian Architecture. Pelican Books, 1966

Long, H.C. Victorian Houses and Their Details: The Role of Publications in Their Building and Decoration. Oxford, 2002.

Muthesius S. The English Terraced House. L., 1982.

Watkin D. The Rise of Architectural Theory. L., 1980.